DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-226-234

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: КУЛЬТУРНАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Часть первая

В.А. Смоляков

В статье рассматривается опыт создания политических и иных предпосылок для быстрого экономического роста стран Восточной Азии. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия уникальных культурных и общих институциональных факторов в экономическом развитии, которое рассматривается в сопоставлении с другими регионами.

Ключевые слова: культурный детерминизм, конфуцианство, модернизация, институты, государство развития, экономика.

EASTERN ASIA: CULTURAL UNIQUENESS AND UNIVERSALISM THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL COMPARISONS

Part one

V.A. Smolyakov

The article deals with the experience of creating political and other prerequisites for rapid economic growth in East Asia. Special attention is paid to the problem of interaction of unique cultural and general institutional factors in economic development, which is considered in comparison with other regions.

Key words: cultural determinism, Confucianism, modernization, institutions, state of development, economy.

Нарратив о Восточной Азии как самом динамичном в экономике, а также весьма разнообразном в политическом и культурном отношении регионе отражается во многих публикациях. Заметим, что обобщение опыта создания политических и иных предпосылок для быстрого экономического роста (что и является задачей предлагаемой статьи) может иметь значение и для России, которая также решает историческую задачу «догоняющей модернизации».

Но что такое Восточная Азия? Исторически сложились два представления о географических рамках данного региона. Первое представление основывается на географическом (или геополитическом) подходе и, согласно ему, Восточная Азия – это примыкающая к Тихому океану восточная часть самого большого в мире Азиатского континента, которая включает два субрегиона – Северо-Восточную Азию и Юго-Восточную Азию. В этой части мира расположено шестнадцать стран. Второе представление зиждется на историко-культурном основании и ограничивает регион Восточной Азии исключительно группой стран, находящихся под влиянием конфуцианской культуры. Это Китай и примыкающие к нему пять стран, т.е. Япония, обе Кореи, Вьетнам и Сингапур. Данное раз-

личение имеет принципиальное значение при рассмотрении вопроса о культурных особенностях стран Восточной Азии, потому что конфуцианство не имеет всеобщей распространённости на Востоке Азии, а десять стран Юго-Восточной Азии выделяются значительно большим культурно-цивилизационным разнообразием. Однако в настоящее время этот подход оставляет без внимания изменения, которые произошли в Тихоокеанской Азии с конца 1990-х гг. Автор данной статьи придерживается первой из представленных точек зрения, доводом в пользу которой может служить теория социального конструирования географических регионов. В результате того, что страны Тихоокеанской Азии вступили на путь экономической интеграции и политического сотрудничества (создали в 1997 г. группы «АСЕАН плюс Три», а затем «Восточно-азиатский саммит» в 2005 г.), сформировалось представление о Большой Восточной Азии. [29: р. 251–277]. В настоящее время в этом регионе проживает 2,3 млрд чел. [35], а разворачивающиеся процессы привлекают всё большее внимание к вопросам внутреннего политического и социально-экономического развития стран Тихоокеанской Азии.

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Smolyakov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

© Смоляков В.А., 2020

Восточно-азиатский регион в массовом сознании ассоциируется с «экономическим чудом», которое за последние полвека осуществилось сначала в Японии, которая выступила в роли «вожака летящих гусей» (данное выражение появилось в 1985 г. и стало использоваться для обозначения модели разделения труда, сложившейся в Восточной Азии, ее англ. аббревиатура – FG, т.е. «The Flying Geese Pattern of Development») [25: р. 2], а затем в «четырёх малых драконах» – Гонконге, Сингапуре, Тайване и Южной Корее [31], далее, на третьем этапе, в Китае, Малайзии, Индонезии, Таиланде и во Вьетнаме. В конце 1980-х гг. даже появилось понятие «Азиатский век», которое приписывают Дэн Сяопину. В результате возник логический ряд исторических параллелей: «Азиатский век» – это XXI в., XX в. – это «Американский век», а XIX в. определяют как «Век Британской империи» [18: с. 281]. Азиатский век – это предсказываемое экспертными сообществами доминирование азиатской политики и культуры в XXI в., которое состоится при условии сохранения существующих демографических и экономических тенденций. В настоящее время народы восточно-азиатских государств находятся в состоянии поиска общей культурной идентичности, что необходимо для развития и создания в перспективе Восточно-азиатского сообщества путём экономической и политической интеграции.

Проблемы Восточной Азии в отечественной литературе до сих пор рассматриваются, к сожалению, по давно сложившемуся и устаревшему стандарту: экономика, политика и культура разделяются на изолированные сферы. В результате исследователи лишаются возможности изучать развитие Восточной Азии в комплексной взаимосвязи основных социальных сфер. Автор предлагаемой вниманию статьи поставил перед собой цель рассмотреть взаимодействие политических, социокультурных и институциональных факторов в (гео)экономике и (гео)политике региона, а также их связь с универсалистскими трендами, порождаемыми глобализацией. Эта проблема появилась в связи с развернувшимися дискуссиями о причинах и факторах, лежащих в основе «экономического чуда», произошедшего на протяжении жизни одного поколения в развитии восточно-азиатских стран. Особый интерес в связи с этим вызывают такие вопросы, как влияние культурных и (или) социально-политических факторов на хозяйственную деятельность и политику. Влияние культурных особенностей стран региона на формирование политических режимов, как и рассмотрение путей дальнейшего углубления Восточно-азиатского регионализма, также не могут быть оставлены без внимания. В настоящее время эту насущную задачу странам Восточной Азии приходится решать в сложном

геополитическом контексте, делая выбор между двумя гигантами – Соединёнными Штатами и Китаем. Следует подчеркнуть, что все эти вопросы взаимосвязаны и потому представляют собой единый комплекс. Именно в раскрытии этой взаимосвязи автор и видит свою задачу.

Учитывая сложность поставленной проблемы, мы должны сделать небольшой экскурс в область наработанных в российской и зарубежной науке методологических и теоретических предпосылок, которые легли в основу нашего анализа. Вопрос о том, почему одни страны или целые регионы успешны в области экономики, а другие нет, занимает умы не только экономистов. Ответ на него ищут также историки, политологи и даже культурологи. Список причин восточно-азиатского экономического роста может быть очень длинным. При некотором упрощении всё многообразие сформировавшихся точек зрения может быть сведено всего лишь к двум объяснительным моделям (парадигмам). В философском плане – это спор между сторонниками двух диаметрально противоположных взглядов на ход истории: согласно первой точке зрения исторический процесс имеет циклический характер; согласно второй точке зрения – развитие идёт по восходящей линейной траектории. В трактовках всемирного исторического процесса с позиций современной социологической и политической мысли – это дискуссия между адептами теории культурной предопределённости, – с одной стороны, и сторонниками теории модернизации – с другой.

Первая школа строит свои доводы на парадигме культурного детерминизма. Сторонники представлений о решающей роли культурных факторов всегда настаивали на уникальности народов и регионов. Главная теоретическая предпосылка у них – представление о культуре как некой константе, или матрице, на которой строится вся система общественных отношений. В идеологическом плане эта группа авторов стоит на позиции идеологического консерватизма, поскольку она недооценивает необходимость модернизации общества, преувеличивает значение традиционных культур, а иногда даже стремится оградить общество от вызванных глобализацией политических и идеологических влияний. Данная парадигма может, с одной стороны, объяснять успехи в развитии экономики влиянием культурных факторов. Но, с другой стороны, она способна работать и в обратном направлении, т.е. указывать на культурные барьеры как на препятствие для экономического роста. Как известно, Макс Вебер утверждал, что религиозные ценности оказывают мощное влияние на социальные институты и что именно протестантизм с его этикой спасения в максимальной степени повлиял на развитие капитализма в Европе. [2: с. 44–344] Но, как это ни па-

радоксально, в начале XX в. М. Вебер и другие западные учёные полагали, что именно «конфуцианские ценности» были причиной недоразвитости Китая и других стран Восточной Азии. Макс Вебер в работе «Конфуцианство и даосизм» (из цикла «Хозяйственная этика мировых религий») предпринял попытку объяснить, почему капитализм современного типа мог возникнуть только на Западе, а не в том же Китае. В этом плане он заинтересовался двумя духовными течениями – протестантизмом и конфуцианством, которые нацеливали своих последователей на рациональное освоение мира. Эти религии, согласно М. Веберу, исходили из абсолютно различных мотивов, что вело к разным социальным последствиям. Выявляя различия в духовном развитии Запада и Китая в отношении влияния религиозной этики на глубинные мотивы поведения людей, Вебер пришел к выводу, что в китайской религиозной традиции «формальная и материальная рациональности находились... в конфликте» [2: с. 316]. Однако в последние полвека, благодаря «экономическому чуду», которое произошло в странах Восточной Азии, теория М. Вебера о роли протестантской этики парадоксальным образом стала применяться к объяснению достижений восточно-азиатских народов. При этом многие авторы нашли немало общих черт, объединяющих конфуцианскую этику и протестантизм. Первой работой, по утверждению известнейшего исследователя азиатской культуры Л. Пая, где эта связь была документирована, считается монография Р. Беллана, изданная в 1957 г. (Robert Bellan «Tokugawa Religion». Glencoe, Ill, Free Press, 1957) [26].

В последние годы вопрос о роли культуры стал интересовать не только культурологов, но и экономистов. Появилось даже научное направление, разрабатывающее концепцию под названием «культурный капитал», который работает наряду с другими факторами производства. Глубокое научное обоснование тезиса о том, что экономическое богатство страны определяется не одним лишь наличием природных ресурсов, политикой или технологиями, раскрывается в ряде опубликованных работ [19; 20]. В 1990-е гг. на Западе была создана даже научная организация «Вопросы культуры», которая пыталась найти ответ на вопрос о том, почему некоторые страны и этнические группы находятся в лучшем положении, чем другие, и какую роль культурные ценности играют в обеспечении политического, экономического и социального прогресса. Группа ученых, журналистов и специалистов-практиков развернула дискуссию о влиянии культуры на экономическое и политическое развитие Восточной Азии. В эту разнородную группу входили Ф. Фукуяма, Н. Глейзер, Р. Инглегарт, С.М. Липсет, О. Паттерсон, М. Портер, Д. Сакс, Р. Шведер и

другие ученые. Большинство из этих авторов, хотя и не все, пришли к выводу, что культурные ценности являются сильным фактором, содействующим развитию, а изменение ценностей является необходимым условием для будущего прогресса в слабо развитых странах.

Одно из самых интересных свидетельств уникальности восточно-азиатского мира – экономика. В пользу точки зрения о том, что регионы с разной культурой приходят часто к неодинаковым результатам, говорит опыт развития на протяжении 1980–2000-х гг. трёх отчетливо отличающихся по своей культуре регионов: Африки, Латинской Америки и Восточной Азии. Все эти регионы имели возможность делать упор на развитие рыночных механизмов, вести внешнюю торговлю и привлекать инвестиции, но при этом пришли к совершенно разным результатам. В 1950 г. по уровню ВВП на душу населения Восточная Азия уступала странам Африки [22]. Латинская Америка еще 30 лет назад обеспечивала треть всего прироста развивающихся экономик, а сейчас – лишь 12 %. И чем дальше, тем отставание больше. Латинская Америка, как сообщает обозреватель «Файнэншл Таймс» Майкл Скотт, с начала века растет темпами почти вдвое ниже других развивающихся стран – в среднем на 2,8 % в год [28]. А после завоевания независимости жизненный уровень в странах в большинстве стран Африки даже снизился. С другой стороны, статистика демонстрирует успехи Восточной Азии. Так, если в 1961 г. региональный ВВП здесь составлял только 4 % от мирового (по паритету покупательной способности, далее ППС), то в 2017 г. – уже 28 %. Как следствие, за этот же период выросли доходы: от 142 054 до 2 000 297 долл. на душу населения [35]. За последнее десятилетие на Восточную Азию приходилось около 55 % мирового роста. По прогнозам этот регион уже к 2030 г. будет приближаться или приблизится довольно близко к уровню жизни западных стран, таких как ЕС и США [12]. Вместе с этим происходит рост индекса развития человеческого потенциала, который также используется для измерения качества жизни. В истории мы знаем только один подобный прецедент – экономический подъём Западной Европы и Северной Америки в XIX–XX вв. Экономические успехи, продемонстрированные восточно-азиатскими странами, привели в 1990-е гг. к появлению концепций «Азиатские ценности», «Восточно-азиатская модель развития», «Азиатская альтернатива» и «Новый азиатский капитализм» [8], которые были положены в основу пропаганды об успешности «третьего пути» – особой Восточно-азиатской модели. Данная модель выставлялась в качестве альтернативы как коммунизму, так и западному либерализму. В этом дискурсе динамизм и сплоченность Во-

сточной Азии контрастируют с «моральным вырождением» Запада и его неотвратимым социальным крахом, а коллективизм этнических и соседских общин с индивидуализмом; семья как основа общества, бережливость, уважение к учебе, тяжелый труд, общественный долг, коллективизм противопоставляются распаду семьи, декадансу, гедонизму, эгоизму, отсутствию командной работы, беззаботности и невысокой дисциплине на Западе [23: р. 42]. В последние двадцать лет эти идеи были дополнены концепцией неоконфуцианства.

Трудно оспаривать утверждение, согласно которому за «экономическим чудом», которого добились страны Восточной Азии, стоит не только высокий уровень накопления, инвестирования капитала, активная предпринимательская деятельность или создание ориентированной на экспорт экономики. Наряду с материальными и финансовыми ресурсами имеется еще один действенный фактор – культура. Вполне возможно, что авторитарно-патриархальные традиции в странах Восточной Азии способствовали созданию атмосферы нетерпимости к неисполнительности, хозяйственной расточительности и безответственности.

Благодаря достижениям КНР в центре внимания оказались культурные ценности конфуцианства, которые сравниваются с ролью протестантизма в развитии европейской экономики с XV в. В пользу этого аргумента служит то, что в этической системе конфуцианства предпочтение отдаётся таким ценностям, как уважение к старшим и начальству, высокая трудовая этика, бережливость, образование, гармония и предотвращение конфликтов. Конфуцианство также придает большую ценность группе, чем личности. Семья, а не индивид, ставится в центр философской системы, а другие социальные группы и даже государство рассматриваются как расширение семьи, в которой индивид должен подчиняться сообществу. Выдающийся наблюдатель Т. Кох писал, что индивид в странах Восточной Азии «является не изолированным существом, а членом нуклеарной и расширенной семьи, клана, соседства, общины, нации и государства. Жители Восточной Азии полагают: что бы они ни делали или не говорили, они должны помнить об интересах других ... индивид пытается уравновесить свои интересы с интересами семьи и общества» [17: р. 6]. Следствием этого является то, что люди более сознательны, находясь в группе, в отличие от тех, кто живет на либеральном, атомизированном Западе. Азиатские люди работают на благо общества, менее эгоистичны и признают, что сплоченность и стабильность общества являются более важными и логически предшествуют правам личности. Считается, что поведение мотивируется главным образом не интересами индивидуальных

прав, а в равной степени обязанностями и ответственностью. Только через упорядоченное общество, которое сокращает излишества индивидуализма, все члены сообщества могут жить безопасной и полноценной жизнью. Правительство должно обеспечить такие условия. Групповая ориентация также связана с такими ценностями, как самоуничтожение, самодисциплина и самопожертвование во имя всеобщего блага. Все это является неотъемлемой частью представлений об общественной морали, гармонии и социальном динамизме. Уважение к семейным узам и пожилым людям, бережливость, сыновнее благочестие, трудолюбие и командная работа являются дополнительными элементами этой матрицы. При правильном руководстве – это основа для «экономического процветания, прогресса, гармоничных отношений между гражданами и правопорядка» [17: р. 6]. Несмотря на то, что классическое конфуцианство было в значительной степени размыто потоками модернизации, его остатки в сознании людей продолжают влиять на политику, экономику и массовое поведение. То, как люди живут в Китае, Японии, Корее, Сингапуре и Вьетнаме, все еще в значительной степени определяется выжившим конфуцианским культурным наследием [17].

В духе данного подхода многие авторы полагают, что конфуцианство оказало на современную Восточную Азию влияние, сравнимое с влиянием греков и римлян на современное западное общество и мышление. Значительный остаток конфуцианского мышления остается в сознании и образе жизни людей не только китайского, но и всего восточно-азиатского мира. Его можно наблюдать как на социально-психологическом, так и на микроэкономическом уровне [16: р. 259–276; 32; 33; 34: р. 277–293].

То, что конфуцианство обладает некоторыми свойствами, которые способствуют экономическим достижениям, подтверждается эмпирическим исследованием, проведенным в 65 странах мира под руководством Р. Инглетарт [13: р. 19–51]. На одной культурологической карте эти авторы показали распределение 65 стран на основе двух показателей межкультурных вариаций, а на другой карте представили распределение этих же стран по хозяйственным зонам. Карта, которая проходит по границам протестантской, экс-коммунистической, конфуцианской, католической и англоязычной культурных зон почти полностью совпадает с соответствующими экономическими зонами другой карты. Конфуцианство по таким измерениям, как стремление к самовыражению и рационализму, находится ближе всех других культур и верований к протестантизму и располагается также в зоне высоких экономических достижений [3: С. 143–153].

Сегодня восточно-азиатские народы отказываются отождествлять экономическую модернизацию

с вестернизацией. Они все больше начинают верить, что их экономический успех основан не на усвоении западных ценностей, а на следовании традиционным «азиатским ценностям» [36: р. 109–126]. Спор о методах макроэкономической политики выразился, в частности, в том, что в противовес «Вашингтонскому консенсусу» был выдвинут «Пекинский консенсус». Если первый строится на идеологии неолиберализма, то второй – на концепции государственного интервенционизма. Возможно, что это модифицирующееся чувство культурной идентичности будет и в дальнейшем обеспечивать экономическую и политическую интеграцию региона. Этому будет способствовать то, что в последние десятилетия уже начала формироваться новая или обновленная восточно-азиатская политическая философия. Никто еще не знает, насколько важную роль азиатское культивирование общих ценностей сыграет в тихоокеанском мире в XXI в. Однако вполне вероятно, что если политическая философия Тихоокеанской Азии действительно появится, то её ядром скорее всего станет неоконфуцианство.

Парадигме культурного детерминизма противостоит вторая теоретическая школа – различные вариации на тему модернизации, которую представляют в качестве императива для развивающихся стран. Теория модернизации, исходя из работ К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и других авторов, приводит доказательства в пользу тезиса, что «промышленное развитие следует логически последовательной закономерности роста и в своё время создаст единообразные социальные и политические структуры, объединяющие разные культуры и страны» [5: с. 121]. Модернизация имеет в своей основе рационализацию всех сфер общественной жизни, которая по идее должна нивелировать существующие социокультурные различия. Начиная от К. Маркса с его методологией экономического детерминизма и заканчивая современным либеральным течением, которое представлено такими авторитетами в рассматриваемой области, как Ф. Фукуяма, Ф. Закария, А. Пшеворский, С.М. Липсет и др., мейнстримом проходит идея, что ведущая роль в развитии общества принадлежит экономике и технологиям. К этому следует добавить еще то, что отличие современного либерализма от марксизма состоит в том, что ключевая роль в теориях либеральных теоретиков отводится не коммунизму, а капиталистическому рынку, конкуренции и экономической глобализации. Позиция либеральных сторонников тезиса об универсальности (или, по марксистской терминологии, о доминировании общих закономерностей над культурно-национальными особенностями) основывается на том, что все народы и страны идут столбовой дорожкой экономического и социального прогресса, ко-

торой уже прошел Запад, заимствуя его опыт и социальные институты. То есть все отстающие общества должны пройти через «вестернизацию». Императивы экономики диктуют потребность в развитии рынка и экономической интеграции, а затем и политической демократии. Как пишут Р. Ингледарт и У. Бейкер: «...центральный тезис теории модернизации состоит в том, что хозяйственный рост обуславливает параллельные, причем до некоторой степени предсказуемые изменения в культурной, общественной и политической жизни» [3: с. 143].

Аргументы оппонентов культурного детерминизма сводятся к следующим моментам.

Во-первых, в Восточной Азии культурные традиции, как и повсюду в мире, играют неоднозначную роль. К негативным моментам относятся такие унаследованные от прошлого поведенческие модели, как клиентелизм [9: р. 91–113], nepотизм, коррупция и кроунизм (привилегии в бизнесе для приближенных главы государства за счет национальной экономики). К тому же культура не является некоей постоянной величиной и не может предопределять судьбы наций. В результате глобализации и модернизации она постоянно трансформируется. Кросскультурные коммуникации, развитие институтов и образования оказывает на неё значительное модифицирующее влияние. Вопреки афоризму Р. Киплинга, который заявлял: ««Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им никогда не сойтись», конвергенция ценностей в современном мире все-таки происходит. (См. об этом подробнее, например, у Р. Ингледарта и У. Бейкера) [3: с. 143]. Поэтому уникальность отдельных культур постепенно уступает дорогу универсальности. Дополнительным аргументом против тезиса об определяющей роли культуры служит также то, что этнические, религиозные и национальные различия между восточно-азиатскими народами остаются значительными. С. Хантингтон подчеркивает в своей широко известной работе: «Азия представляет собой котёл цивилизаций. В одной только Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести цивилизациям – японской, китайской, православной, буддистской, мусульманской и западной» [7: с. 345].

Во-вторых, на поведение людей в экономике влияют прежде всего побудительные мотивы материального свойства. Всё объясняется тем, что независимо от культурных традиций «экономический человек» одинаково реагирует на одни и те же стимулы. Хотя бывает и обратное: люди одной и той же культуры, попав в разные социально-экономические системы, могут реагировать на разные стимулы по-разному. Тезис, согласно которому культура не может быть непреодолимым препятствием для процветания, подтверждается еще и тем, что культура меняется медленно, а экономическая

жизнь – сравнительно быстро. Одни и те же страны, с той же культурой могут переходить от застоя к подъёму, когда меняются политические условия. История современного Китая подтверждает этот тезис.

Аналогом эксперименту в социальных науках может служить метод компаративистики, который позволяет сравнить эффективность альтернативных экономических систем, которые одновременно действуют в одной и той же культуре. Для этого полезно рассмотреть естественно-исторический эксперимент, поставленный разделёнными странами. В Восточной Азии поучительным примером служат Северная и Южная Корея, а также Тайвань и Китайская Народная Республика. С 1949 г. Тайвань и Китайская Народная Республика начали раздельное существование с примерно одним и тем же уровнем жизни. Но уже к 1989 г. благодаря рыночной экономике ВВП на душу населения Тайваня был в 21,4 раз выше, чем соответствующий показатель огосударственной плановой экономики КНР [5: с. 167–168]. Демонстрационный эффект Тайваня стал толчком, побудившим Пекинское руководство во главе с Дэн Сяопином начиная с декабря 1990 г. вступить на путь «реформ и открытости». Еще один пример. Северная Корея владеет большей частью минеральных ресурсов полуострова и когда-то была богаче своего южного соседа. Однако десятилетия неэффективного управления и милитаризованной экономики оставили Север глубоко обнищавшим обществом. Южная Корея еще в конце 1950-х гг. считалась слаборазвитой страной с некомпетентным и коррумпированным управлением. Но уже к 1960 г. Республика Корея и КНДР стали иметь примерно равный уровень ВВП на душу населения. Начиная с 1970-х гг. Юг страны приступил к рыночным преобразованиям, а также интегрировался в международную экономику. В результате к 1990 г. он уже в четыре раза превосходил Северную Корею, выбравшую самоизоляцию и сталинскую модель экономики [5: с. 168]. С тех пор Северная Корея по вполне понятным причинам не публикует собственную экономическую статистику. Только внешние оценки являются единственными доступными цифрами её показателей. И эти данные демонстрируют следующее: валовой национальный доход КНДР в 2018 г. оценивался в 35,9 трлн вон (\$30,35 млрд) – всего 2 % от аналогичного показателя Юга. Доход на душу населения КНДР составил \$1119 в прошлом году, в то время как на юге был в 26 раз выше [15]. Неолиберальные теоретики среди факторов выделяют роль свободного рынка и конкуренцию, которые развязали руки частным корпорациям. Из этого можно заключить, что все быстрорастущие восточно-азиатские экономики – включая китайскую – преуспели благодаря подключению к ширящимся силам глобализации, через

свободную торговлю и свободные потоки капитала. Внешние условия, обеспеченные США, и экономическая поддержка извне не имели первостепенного значения. Самыми успешными экономиками становились те государства, в которых допускается высокая степень конкуренции на внутренних рынках и открытость экономики ради интеграции в международные рынки.

В-третьих, большое влияние на развитие восточно-азиатских стран оказывают позаимствованные у Запада и уже получившие постоянную прописку во всех регионах Земного шара политические и экономические институты. Д.В. Аджемоглу в получившей широкую известность работе «Почему одни страны богатые, а другие бедные» показывает, что между экономическими и политическими институтами имеется интенсивная синергия. И делает следующий вывод: «Политические и экономические институты, которые выбирает себе страна, могут быть инклюзивными и способствовать экономическому росту, а могут быть экстрактивными (потому что их главная функция – высасывать ресурсы из общества в интересах правящей группы. – В.С.) и экономическому росту препятствовать» [1: с. 114, 117]. Еще раньше стейтисты-институционалисты в целях убедительного объяснения причин «Азиатской модели успеха» выдвинули концепцию «государства развития» (англ. *developmental state*), которая первоначально была разработана Чалмерсом Джонсоном в 1982 г. Он использовал ее для объяснения японского подхода к экономической политике, утверждая при этом, что Япония первой представила «парадигмальный пример государства развития» [14]. Данное понятие носит типологический характер и противопоставляется двум другим понятиям. Одно из них – «регулирующее государство» (например, в США), которое предоставляет максимум экономических свобод и не стремится управлять бизнесом. Второе понятие – «хищническое государство» (англ. *Predatory state*). Такие институциональные типы имеют широкое распространение во всём мире, но доминируют в африканских странах. С тех пор концепция «государства развития» широко используется для обозначения общей модели развития, которую мы можем наблюдать в Восточной Азии. Согласно этой идее государство должно в системе своих приоритетов на первое место ставить внутреннее развитие страны и проводить активную экономическую политику. Борьба за международное влияние и геополитическое соперничество в данной системе должны отойти на второй план [11: р. 6]. После экономического подъема Японии многие другие государства, особенно Китай, стали подражать японской стратегии [11]. Данный тип государственного управления многие авторы рассматривают в контексте конфу-

цианской традиции меритократического лидерства. Вслед за Японией на этот путь вступили Дэн Сяопин (Китай), Пак Чжон Хи (Южная Корея), Чан Кайши (Тайвань), Ли Кун Ю (Сингапур). «Все эти лидеры, – пишет До Чул Шин, – работали ради национального процветания и общественного благосостояния, которые они ставили перед собой в качестве высшей цели» [27: р. 43]. Популяризатором восточно-азиатской модели «сильного государства» является, в частности, Фрэнсис Фукуяма, который пишет следующее: «По любым меркам качество бюрократического аппарата государств Восточной Азии превышало таковое в их аналогах-двойниках в Латинской Америке, что было важным фактором, объясняющим их потрясающий экономический фокус» [6: с. 58–59].

В-четвертых, было бы неправильным мнение, что хорошие институты являются единственным слагаемым экономического успеха. Среди факторов достижений восточно-азиатских стран в экономике некоторые авторы ставят на первое место не культуру и не формальные институты, а политику, проводимую местными элитами. Имеется в виду элитная технократическая группа, которая рассматривает рост экономики в качестве высшего национального приоритета и при этом обеспечивает экономически грамотное руководство. Экономический успех и рост благосостояния подданных является для этих деятелей не только проявлением служения нации, но и способом укрепления легитимности власти. «Необходимо с самого начала развеять эти мифы (об определяющей роли культуры. – В.С.) и подчеркнуть роль политики в достижении экономического успеха. Рост в Восточной Азии был обеспечен главным образом за счет грамотного проведения соответствующей политики, а не спонтанного проявления некоторых присущих этому региону характеристик, таких как усердие или конфуцианство», – к такому выводу приходит, например, японский исследователь Кеничи Оно в своей статье «Восточно-азиатский режим роста и политическое развитие». Этот автор приводит расчеты, которые доказывают, что имеется сильная положительная корреляция (коэффициент, равный 0,90) между двумя показателями – широким спектром достижений в области управления, с одной стороны, и темпами экономического развития в ряде восточно-азиатских стран – с другой [24: р. 39; 30]. Все восточно-азиатские страны ориентированы на рост экономики, который рассматривается в качестве ответа на внутренние и внешние вызовы. Причем в этой модели успеха политика роста является первостепенной, а социальная политика – второстепенной. Экономия на социальных расходах позволила обеспечить в ряде восточно-азиатских стран довольно высокую долю накопле-

ния: более трети валового национального продукта. Одновременно с ориентацией на развитие экспорта государство обеспечило строгий экономический протекционизм в интересах национальной промышленности и торговли. С другой стороны, опыт стран Латинской Америки свидетельствует, что непоследовательная и некомпетентная политика государства часто тормозит экономическое развитие. Примером неэффективного государственного управления является одна из латино-американских стран – Аргентина. Как пишет обозреватель «Файнэншл Таймс» М. Скотт, эта страна за последние четверть века металась из крайности в крайность: то привязывала валюту, то отпускала ее, то открывала границы для торговли, то закрывала; сначала провела масштабную приватизацию, через 10 лет – национализировала все обратно. Налоговое законодательство за это время поменялось 80 раз, бюджетное – 16 раз [28].

Российский востоковед и политолог Алексей Кива в статье «В чем сила регулярно сменяемой власти. России стоило бы освоить китайский опыт» среди важнейших факторов, обеспечивших экономические достижения Китая, даже не называет конфуцианскую культуру. Он, как и цитировавшиеся выше авторы, подчеркивает роль политической элиты (т.е. руководства Коммунистической партии Китая), которая поставила перед нацией «сверхзадачу» – «все силы направить на прорыв Китая в мир развитых стран в кратчайшие по историческим меркам сроки». В этом особую роль сыграла «политика реформ и открытости» Дэн Сяопина. Он создал хорошо отлаженную систему политического лидерства и государственного управления, составными частями которой стали регулярная сменяемость власти, коллективность руководства и тщательный подбор кадров. Благодаря этой системе исключается волюнтаризм первых лиц, – пишет этот автор. На второе место А. Кива ставит верховенство закона и строгую защиту собственности [4].

На основании всего изложенного выше можно прийти к следующему выводу. Нет одного-единственного «методологического ключа» к ответу на вопрос о причинах феноменального успеха восточно-азиатских стран. Представляется, что критика культурного детерминизма должна быть сбалансированной, т.е. не вести к отрицанию того, что культурные факторы все-таки оказывают несомненное влияние на развитие политико-административных институтов и потенциалов государства. Если исходить из неoinституционалистской методологии, то мы должны рассматривать ценности и действующие нормы в качестве органичной составляющей самих институтов. Фактор культуры взаимодействует с другими факторами – социально-экономической системой, политическими институтами, эф-

фективностью режима и степенью его гибкости, причем ни один из факторов не имеет главенствующего значения. Для того, чтобы лучшие качества конфуцианства получили возможность беспрепятственно реализовываться, необходимы способствующие этому социальные институты и разумная экономическая политика. Некоторые ученые считают, что упомянутое выше государство развития не могло бы сложиться в иных культурных средах, кроме как в конфуцианской. В отличие от западной политической традиции восточно-азиатская традиция не стремится к сокращению власти государства и не пытается жестко разграничивать личную, частную сферу жизни индивидов, с одной стороны, и публичную, государственную – с другой. Данное государство является сильным не только с точки зрения его высокой управленческой эффективности, но и благодаря его высокому моральному авторитету. Одна из конфуцианских ценностей, которую часто отождествляют с государством развития, – это символизм массового сознания, включающий представления о том, что государство существует исключительно ради благосостояния людей (Hood, 1988; Doh Chull Shin, 2011). Вторая конфуцианская ценность, которая обеспечивает поддержку государству развития, – это почтительное отношение к авторитету и уважение к иерархии. «Вместе взятые эти два принципа: правительство существует ради блага людей и уважение к власти, вытекают из традиции конфуцианской семейственности, которая, в свою очередь, опирается на патерналистские и иерархические ценности. Эти ценности подкрепляют две существенные характеристики государства развития: централизацию проводимой властью политики и активное вмешательство государства в рыночную экономику», – пишет известный исследователь роли конфуцианской традиции в восточно-азиатской политике До Чул Шин [27: р. 43–44]. Итак, можно сделать вывод, что «секрет» восточно-азиатского успеха вытекает из триединства культуры, государственных институтов и эффективного управления, которое осуществляют компетентные и благожелательные к интересам общества элиты. Метафорой для выражения этой мысли мог бы стать образ хорошего программного обеспечения (software), оборудования (hardware) и грамотного пользователя (user).

Таким образом, культурные ценности создают предпосылки для экономического и политического успеха только тогда, когда они влияют на поведение людей через инклюзивные государственные институты и продуманную экономическую политику. В этом случае возникает приносящий успех эффект синергии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Дарон Аджемоглу, Джеймс Робинсон. – Москва, 2016. – 693 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Инглегарт, Р. Модернизация, культурные изменения и устойчивость / Р. Инглегарт, У. Бейкер // Теория и практика демократии. – Москва : Ладомир, 2006. – С. 143–153.
4. Кива, А. В чем сила регулярно сменяемой власти. России стоило бы освоить китайский опыт / Алексей Кива // Независимая газета. – 2020. – 8 июля.
5. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма. – Москва, 2005. – 588 с.
6. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Фрэнсис Фукуяма. – Москва, 2006. – 220 с.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. – Москва, 2005. – 603 с.
8. Berger, P.L. Search of an East Asian Development Model / Peter L. Berger, Hsin-Huang Michael Hsiao. – New Brunswick, N.J. : Transaction Books, 1988.
9. Bruce, R. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia / Ronald Bruce St John // The American Political Science Review. – № 66(1). – P. 91–113.
10. Deng Xiaoping Wenxuan (Selected Works of Deng Xiaoping). – Beijing : Renmin chubansh: (People's Publishing House). – Vol. 3. – P. 281.
11. Envall, H. D. P. Reflections on Governance and Democracy in Asia and Japan / H. D. P. Envall // Australian National University. – 2013. – Vol. 13, Is. 4. – December 15.
12. Gruen, D. Asia's economic challenges and policy choices / David Gruen // East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. Australian Treasury. 11 March 2014. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2014/03/11/asias-economic-challenges-and-policy-choices> (accessed: 15.09.2020).
13. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and the persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // American Sociological Review. – 2000. – February. – P. 19–51.
14. Johnson, C. MITI and the Japanese Miracle / C. Johnson. – Stanford : Stanford University Press, 1982.
15. Kaye, B. North Korea economy shrinks most since 1990s famine: Seoul Trade lowest in a decade as sanctions bite Buzz Kaye / B. Kaye // Asia Times. – 2019. – July 29.
16. King, A.Y.C. The Transformation of Confucianism in the Post-Confucian Era: The Emergence of Rationalistic Traditionalism in Hong Kong / Ambrose Y.C. King // Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / Ed. By Tu Wei-ming. – Cambridge : Harvard University Press, 1996. – P. 259–276.
17. Koh, T. The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success / Tommy Koh // The International Herald Tribune. – 1993. – December 11–12.
18. Loong Lee Hsien. The Endangered Asian Century 4 июня 2020 года / Lee Hsien Loong. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/> (accessed: 15.09.2020).
19. Harrison, Lawrence E. Who Prospers? How Cultural Values Shape Economic and Political Success / Lawrence E. Harrison. – 1992.
20. Harrison, Lawrence E.: How Values Shape Human Progress / Lawrence E. Harrison, Samuel Huntington, Culture Matters. – New York : Basic Books, 2001. – 383 p.

21. International Monetary Fund World Economic Outlook. – 2017. – April.
22. *Maddison, A.* The World Economy: A Millennium Perspective / A. Maddison. – Paris : OECD Development Centre. Maegawa, K., 2001.
23. Mahathir bin Mohamad. Interview // Asia week. – 1995. – September 8.
24. *Ohno, K.* The East Asian Growth Regime and Political Development / Kenichi Ohno // Diversity and Complementarity in Development Aid: East Asian Lessons for African Growth. – Tokyo : GRIPS Development Forum, 2008.
25. *Okita, S.* Special presentation: prospect of Pacific economies / Sabro Okita // Korea Development Institute. Pacific cooperation: issues and opportunities: Report of the Fourth Pacific Economic Cooperation Conference. – Seoul, Korea, 1985. – April 29 – May 1. – P. 18–29.
26. *Pye, L.* Political Culture and Political Development / Co-Editor and Co-Author Lucian Pye // Political Development. – Princeton : Princeton University Press, 1965. – Vol. 5.
27. *Shin, D.C.* Confucianism and Democratization in East Asia / Doh Chull Shin. Cambridge University Press, 2011. – 366 p.
28. *Stott, M.* Latin America faces a second "lost decade" / Michael Stott // Financial Times. – 2019. – November 16.
29. *Takashi, T.* Constructing an 'East Asian' Concept and Growing Regional Identity: From EAEC to ASEAN + 3 / Tera-da Takashi // Pacific Review. – 2003. – 6(2). – P. 251–277.
30. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy: Main report (English). A World Bank policy research report Washington. – D.C. : World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/975081468244550798/Main-report> (accessed: 15.09.2020).
31. *Vogel, E.F.* The Four Little Dragons: The Spread of Industrialization in East Asia / Ezra F. Vogel. – Cambridge : Harvard University Press, 1991.
32. *Wei-ming.* The Confucian World Observed: A Contemporary Discussion of Confucian Humanism in East Asia / Weiming, M. Hjetmanek, A. Wachman ; Tu Weiming, Milan Hejtmanek, Alan Wachman, eds. – Honolulu : East-West Center, 1992.
33. *Wei-ming.* Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / Wei-ming / Tu Wei-ming, ed. – Cambridge : Harvard University Press, 1996.
34. *Wong, J.* Promoting Confucianism for Socioeconomic Development: The Singapore Experience / John Wong // Institute of East Asian Philosophies. – 1991. – P. 277–293.
35. World bank, 2016 // International Monetary Fund World Economic Outlook. – 2017. – April. – URL: <https://data.World-bank.org/region/east-asia-and-pacific> (accessed: 15.09.2020).
36. *Zakaria, F.* Culture is Destiny: A Conversation with Lee Kua Yew / Fareed Zakaria // Foreign Affairs. – 1994. – № 73 (March-April). – P. 109–126.